

о занятии в «праздное», т. е. свободное от службы время, менее важным, чем служба. Тем самым сильно замедлилась выработка представлений о профессиональном литературном труде и его самостоятельной ценности.

По-настоящему четко задачу профессионализации литературного труда поставил Н. М. Карамзин в целом ряде статей конца XVIII—начала XIX в. Он хорошо понимал и то, какие своеобразные условия замедлили этот процесс в России: «Ибо пишем мы по внезапной прихоти; <...> ибо в стране, где все определяется рангами, слава имеет мало притягательного».¹⁸ В статье «Отчего в России мало авторских талантов?» (1802) Карамзин как одну из причин назвал недостаток образования, а недостаток образования тоже связал с погоней за чинами: «Имя хорошего автора еще не имеет у нас такой цены, как в других землях <...>. К тому же искание чинов не мешает балам, ужинам, праздникам; а жизнь авторская любит частое уединение <...>. Надобно заглядывать в общество <...> но жить в кабинете».¹⁹ Карамзин настойчиво повторяет мысль, что писатель должен уподобиться независимому «кабинетному ученому». Для него же самого жизнь кабинетного ученого, не связанного с двором и службой, осталась в некотором роде утопией. Чтобы иметь возможность записаться историей, он вынужден был отказаться от образа жизни независимого журналиста и исхлопотать себе место придворного историографа с чином надворного советника и жалованием в две тысячи рублей в год. И. И. Дмитриев вспоминал: «Карамзин часто говаривал мне, что ему хотелось бы писать отечественную историю; но в положении частного человека не смеет и думать».²⁰

Но и писатели-сентименталисты, провозгласившие тезис о внесловной ценности личности, далеко не всегда рассматривали писателя как независимое, частное лицо. Как пишет Л. Я. Гинзбург, «Специфика русского сентиментализма <...> состояла в том, что провозгласила его не буржуазия, породившая сентиментализм западный, но та среда, которую стали позднее называть образованным дворянством.

Военные и чиновники, иногда очень крупные (И. Дмитриев, например, был действительным тайным советником и министром юстиции), не могли вести себя по законам чувствительных сердец. Никто этого от них и не ожидал. Их жизненную практику определяли иные, сословные нормы».²¹

Однако если не в жизни, то в творчестве писателей-сентименталистов отчетливее всего проявились важные идеологические процессы, постепенно приведшие к некоторому расширению по-

¹⁸ Карамзин Н. М. Избранные сочинения: В 2-х т. М.; Л., 1964, т. II, с. 147—148.

¹⁹ Там же, с. 186.

²⁰ Дмитриев И. И. Взгляд на мою жизнь. М., 1866, с. 82.

²¹ Гинзбург Л. Я. О психологической прозе. Л., 1977, с. 39.